

Андрей Михайлов

КАК МЫ ЖИЛИ В СССР

Весной

Андрей Михайлов

Как мы жили в СССР. Весной

«Издательские решения»

Михайлов А.

Как мы жили в СССР. Весной / А. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531684-4

Во второй книге своеобразного лирико-ментального справочника «Как мы жили в СССР» сюжет крутится вокруг весны — «самого советского времени года». Отталкиваясь от собственной жизни и опираясь на свои воспоминания, автор живописует насыщенную и противоречивую картину повседневного бытия великой страны, которой больше нет на карте. Уникальные иллюстрации разбавляют и дополняют повествование.

ISBN 978-5-00-531684-4

© Михайлов А.
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов «на посошок»	6
Комсомолка, спортсменка, красавица!	7
От всей души – и на все руки. Что умели наши мамы?	11
Устав для женщины	14
Встреча весны. Локальный вариант	17
Игры на воздухе: разрешённые и запрещённые	19
«Пересечённая местность» рядом с домом	22
Доверчивая Природа	26
День свободы на баррикадах	30
Что тянуло в Дом культуры?	36
Как ВИА захватили Советский Союз	38
«Битлы» в советском переводе	42
Хиппи с улицы Ленина	43
Моя патлатая юность	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Как мы жили в СССР Весной

Андрей Михайлов

*Серёге Возовикову, Паше Винокурову, Ване Водопьянову,
Толику Виницкому, Сергею Вагину. Другим, которых уже нет
рядом...*

Иллюстрации Архив Андрея Михайлова

Фотограф Андрей Михайлов

© Андрей Михайлов, 2022

© Андрей Михайлов, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0053-1684-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов «на посошок»

Напомню, что в рамках этого проекта я вспоминаю жизнь 60-80-х годов прошлого века. Когда СССР, оправившись от последствий социальных проектов эпохи Ленина-Сталина и восстановившись после Великой Отечественной войны, наконец-то получил четверть столетия для более-менее нормального развития. Как и чем жил тот народ, который окружал меня в те годы, я и пытаюсь очертить.

Моё детство, да и большая часть юности, связаны с Алма-Атой. Если ещё точнее – с Научным городком казахстанских физиков посёлком Алатау, в котором располагались два института Академии Наук Казахской ССР. Институт ядерной физики (с атомным реактором!) и Институт физики высоких энергий (с ЭВМ «БЭСМ-6»). Там и работали в основном наши родители. Ну а мы, их дети, учились в местной школе (СШ №21).

Однако географическое расположение не должно смущать гордого книгочея из Европейской части бывшего СССР. Мы все тогда жили в одной стране, по одним законам и обычновениям. Одними мечтами и чаяниями.

Комсомолка, спортсменка, красавица!

Эмоционально-тактильная весна приходила в страну с недельным запозданием от календаря. Но сразу являлась в такой красе и силе, что сомневающихся в её пришествии не оставалось. Даже за Полярным кругом. Потому что начиналась она аккурат 8 марта. В **Международный Женский День**.

Праздничная открытка 1961 года. Изобразительный образчик декларируемой обществом политкорректности, вряд ли достижимой нынешними апологетами!

В СССР любили этот праздник вовсе не за интернациональный пафос, а за женскую сущность. Потому что мало где так обожали женщин, как их обожали в Советском Союзе!

Советская женщина — это вообще материя особая. Могу признаться откровенно, что нигде и никогда не встречалось мне представительниц прекрасной половины нашего рода более совершенных, нежели в СССР, в последние два десятилетия его существования. Чем наши мамы, сёстры и подруги отличались от всех прочих? Необыкновенным внутренним наполнением, врождённой гуманностью, разнообразием интересов, романтичным отношением к жизни, стремлением к совершенству во всём. Цельностью и красотой натуры. С ними можно было «говорить о песнях»!

Журналистка Светлана Литвинова – яркая представительница советских женщин прекрасной эпохи. Алма-Ата, конец 1980-х.

Несмотря на то, что в СССР на государственном уровне культивировался образ «женщины-труженицы» – сильной, передовой, идейной (и партийной) – не она правила бал в «золотой век» Советского Союза. Тон и моду задавала женщина-интеллигентка – студентка, комсомолка, красавица, которая, оканчивая вуз, превращалась в воспитательницу всего того лучшего, что передавалось по наследству и расточалось вокруг.

Татьяна Ларина была образцом для многих девочек эпохи. Школьный рисунок 1970-х.

Интеллигентность вообще-то была в фаворе, хотя в идеологическом рейтинге интеллигенция и стояла на последнем месте классовой триады общества – после пролетариата и трудового крестьянства. Однако не было ни в одной рабочей или колхозной семье такой девочки, которая не мечтала бы о высшем образовании и «другой жизни», отличной от родительской.

Поступить в вуз в СССР возможно было только имея что-то внутри себя. Тем более – если ты из «простой семьи». Редкие исключения рассматривать не стоит – они погоды не делали. Тяга к образованию, начиная со школы, довлела над всеми устремлёнными к идеалу и определяла их жизненные установки.

Но высшее образование не рассматривалось в отрыве от личной образованности. «Мода на интеллигентность» творила чудеса – робкие девочки с длинными косами, приезжавшие поступать в вузы из далёких колхозов и рабочих поселков, за пять лет преобразовывались в полноценных носительниц не только знаний, но и стиля (уже, правда, без кос). По крайней мере, именно с этим я столкнулся в Ленинградском пединституте, где учился в те времена.

Выпускницы 1974 года. Посёлок.

Но это была лишь одна сторона медали. Советскую женщину периода её апофеоза (60-80-е годы) формировало единство и борьба двух противоположностей – внутренняя перенасыщенность и обступающий дефицит (средств, товаров, услуг). Для того чтобы твой внутренний идеал соответствовал внешнему виду и образу жизни, приходилось прилагать значительные усилия, много изощряться и многому учиться дополнительно. Необходимо было быть не только разумной, но и умелой.

От всей души – и на все руки. Что умели наши мамы?

Вот что знала и умела моя мама, *Людмила Ильинична Михайлова*, выпускница физфака Казахского государственного университета, выросшая, однако, без отца (он погиб на фронте – про это ниже), в очень простецком окружении и всю жизнь проработавшая в казахстанской физике.

Людмила Ильинична и Вячеслав Фёдорович Михайловы. Папа и мама встретились на физфаке КазГУ – учились на одном курсе. И всю жизнь были вместе. Фото 1990-х.

Связать свитер, шарф, шапку, носки. Скроить и сшить платье себе и одежду нам, детям (я в юности щеголял перед барышнями в расклешённых джинсах и ходил на восхождения в пуховике её производства).

Приготовить торт любой сложности, пирог с любой начинкой, манты, бешбармак, плов, борщ, мясо по-французски, хе, лагман, бефстроганов и т. д. и т. п. Заготовить на зиму варенье, компоты, салаты, закатать в банки огурчики-помидорчики, засушить сухофрукты.

Сделать для домашнего интерьера композицию из принесённых с гор коряг и привезённых с Чёрного моря ракушек и галек. Вышить гладью салфетки или сплести кружева. Побелить стены и покрасить окна. Соорудить рядом с домом «альпийскую горку», вырастить удивительные цветы на улице (лилии, ирисы, розы, пионы, тюльпаны десятков сортов) и в комнате (кактусы, пальмы, монстеры, плющи и пр.).

Удивительное поколение наших родителей. Посёлок, 1980 год.

Вот что она успевала, кроме этого (и работы, разумеется – с 9 до 18, как все, мама работала). Контролировать нашу учёбу. Репетировать и петь в ансамбле с подругами. Участвовать во всех мероприятиях Дома учёных. Прочитывать все имевшиеся в наличии «толстые журналы» и прочую периодику («Работницу», «Семью и школу», «Здоровье»), пролистывать газеты («Литературку», «За рубежом», «Известия»). Перечитывать классику, особенно любимого Пушкина («Онегина» мама знала наизусть почти полностью). Не пропускать премьеры на телевидении и в кино, периодически бывать в театре. Встречаться с друзьями-подругами, ходить в гости и принимать большие компании (свои и наши) дома...

Всё? Нет, не всё! Несмотря на то, что главными ценностями для неё оставались семья и работа, мама не мыслила своей жизни в замкнутом круге родных и коллег. У неё всегда наличествовала не только какая-то общественная нагрузка (родительские комитеты в школе, профсоюзные поручения, депутатство в поссовете Посёлка), но и масса «случайных» «поручений» – отзывчивая на любую беду, она никогда не могла пройти мимо чужой проблемы.

А ещё она писала массу писем, не прерывая тончающих в те времена связей с родственниками по всей стране.

Список можно продолжать и продолжать. Но...

Но! Примерно такими же были и мамы моих школьных друзей. И ещё сотни других мам, которые встречались мне в те неусидчивые годы во всех уголках Союза и оставили след в памяти. Более того, всё это органично передавалось материнским поколением по эстафете далее (по «женской линии»), нашим сёстрам, одноклассницам, юным сослуживицам, подругам, жёнам.

Можно уверенно утверждать, что советская женщина той эпохи была главным достижением своего времени и несомненным явлением в духовном движении всего человечества. И не её вина, что она не оставила прямых наследниц. Когда разрушается среда обитания, исчезает ареал – видовое выживание, увы, возможно только в искусственной среде.

Модная страничка отрывного календаря 70-х. Женщина всегда должна была оставаться женщиной. Даже со шваброй в руках.

Устав для женщины

Вопреки предостережениям К. Прутков, в СССР с женщинами могли и пошутить. И они понимали шутки. Вот характерный документ – вирша к празднику 8 марта, написанная неизвестным автором (а скорее всего – авторским коллективом) к вечеру в Доме учёных. Она называется «Устав для женщины».

Дом учёных Посёлка. Праздничная афиша постановки к 8 марта. Какого года? Любого.

*На кухне мотайся и весело пой,
Люби, улыбайся, будь верной женой.
Всегда будь красива, здорова, стройна,
Больная жена никому не нужна.*

*Везде успевай: в магазин, на базар.
Умей доставать дефицитный товар.
Ходи на концерты, газеты читай,
От мужа в развитии не отставай.*

*Он книгу читает, ты пол подметай,
В козла он играет – ему не мешай.
Он смотрит футбол – ты постой у плиты,
Он сядет за стол – ты его обслужи.*

*Он лёг отдыхать, ты детишек займи.
Чтоб папе поспать не мешали они.
Будь ласковым, добрым, и любящим другом,
Внимательной, милой и нежной подругой.*

*С утра на работу спокойно иди,
Детей в ясли-сад по пути заведи.
Работу свою выполняй ты исправно,
На то и живёшь ты теперь равноправно.*

*Сварливой не будь, не помогут слова,
Ты всё получила: свободу, права,
Но знай, что не даром за всё нужна плата,
Тебе две руки подарил бог по благу.*

*Ты ими умеешь обнимать и ласкать,
Шить, штопать и гладить, стирать и вязать.
Держи их в порядке, мажь кремом морищины,
Авось прикоснутся к ним губы мужчины...*

*Когда привезут мужа пьяного в стельку,
Его уложи аккуратно в постельку,
Сама у кровати на стульях поспи,
А утром чепушку ему поднеси.*

*А если супруг не пришёл ночевать,
Не надо в измене его упрекать,
Ведь женщин в Союзе побольше мужчин,
Поэтому нет для разводов причин...*

Шутки с женщинами обычно заканчивались удачно. Ведь мужчины умели шутить, а женщины умели ценить шутки (и мужчин). Эдуард Жуматович Магзумов обладал тонким юмором и неистощимой энергией в деле его проявления. Дом учёных. Конец 1970-х.

Встреча весны. Локальный вариант

Ходить при первом весеннем тепле «за подснежниками» – была поселковая традиция. Так как «подснежники» начинали своё трепетное цветение на бурых припёках холмов и распадков сразу, коль только сползал снег, все старались опередить друг друга и первыми выйти «за речку». Потому «пойти за подснежниками» было для нас равнозначно тому, чтобы «встретить весну».

Выход за околицу Посёлка на первую весеннюю травку. За околицей людно. Фото 1962 года.

Вообще-то, под «подснежниками» в разных местах понимают разные цветы. Главное, чтобы они распустились раньше других. Но у нас, в Семиречье, это однозначно был шафран. Шафран алатауский. В те годы он ещё не был занесён в Красную книгу, но близ населённых пунктов его исчезновение уже было заметно невооружённым глазом. Однако...

Однако удержаться от того, чтобы не нарвать крохотный букетик, было практически невозможно. Нарвать и принести домой, подарить маме, которая, воссияв, тут же поставит его в маленький гранёный стаканчик (такие были в каждом доме) и водрузит на стол.

Впрочем, взрослые и сами были не прочь урвать часок после работы и выйти на ближайший цветущий пригорок вместе со своими отроками. Молодёжь тоже не проходила мимо этого первого цветения – всякое воскресенье говорливые компании в приподнятом настроении расходились от Посёлка в разные стороны. И все девушки возвращались обратно с неизменными букетиками «подснежников»...

На представленном снимке, участники одного из таких спонтанных выходов «за подснежниками», который состоялся 8 марта 1981 года. Сергей Вагин, Наталья Ботвина, Таня Скокадуб, Володя Шахов, Наташа Круглова и автор.

...Когда Посёлок только строился, «подснежники» росли буквально на всех пустырях посередине. Как и тюльпаны. Но постепенно границы их массового произрастания отодвигались всё дальше, и походы за ними превращались во все более далёкие экскурсии...

Игры на воздухе: разрешённые и запрещённые

Но для детворы первые радости весны не ограничивались эстетскими прогулками на фоне пробуждающейся природы. Хватало занятий и на улицах, наконец-то оттаявших от надоевших наслоений зимнего снега. Как что-то высшее манили ребятнишек первые куски высохшего асфальта – скорее оккупировать их вместе со скакалками, мячиками, велосипедами, «ляنگами», «классиками», «асыками».

Девочка Оля Кострица – скачет со скакалкой, вдоль по улице Интернациональной. Конец 1960-х.

Девочки со скакалками были на этих перенаселённых детских островках, отвоёванных у зимы, такими же полноправными, как пацаны «с ляنگами». Только «лянга» отчего-то считалась спортом вредным для молодого организма, а потому – запретным (утверждали, например, что от неё непременно «вылезет грыжа»). Потому её любители и ценители всегда скрывались от бдительных глаз педагогов и родителей куда-нибудь «за школу» или на пустырь.

А со скакалкой можно было не таиться. С ней не возбранялось играть на перемене перед школой или «пропрыгивать» улицы от начала до конца. Благо, что машин тогда, по крайней мере в нашем Посёлке, никто не боялся.

Нужно сказать, что вообще-то описывать девочку тех лет без скакалки – просто неприлично. Начиная прыгать, едва начав ходить, годам к 10—11 наши одноклассницы достигали невероятной резвости. Причём, как в сольных упражнениях, так и командных играх.

Ещё одно любимое развлечение марта. Рисунки на асфальте. На конкурсах советские дети рисовали то, что было на слуху. Посёлок, середина 1960-х.

Лишь в старших классах, когда девочка приобретала волнующую округлость форм и томную плавность движений, скакалка постепенно исчезала из её жизни. Но не полностью. Часто приходилось видеть, как раззадоренные игрищами юных отроковиц выпускницы впрыгивали внутрь азартно разматываемой молодыми верёвки, стыдливо придерживая полы разлетающегося платья.

Ещё одним официальным спортом советских девчонок были **«классики»**. Играть в «классики» им тоже удавалось часами. Что ж – «хорошие девочки» в те времена были хорошими во всем. **«На пятёрки я учусь и мальчишек не боюсь!»**

Детвору той эпохи можно считать вполне счастливыми «уличными детьми». Наташа Ботвина, Лена Михайлова, Костя Ботвин, Лара Грановская, Вова Шахов. Посёлок, начало 1960-х.

Что до мальчишек, то у них с этих первых весенних дней начинались свои дела – азартные и крикливые баталии футбольного уличного сезона. Ну и «лянга», которой любители занимались между делом и до полного самозабвения.

Любопытно, что уже в другом тысячелетии, в совершенно другом мире, мне приходилось наблюдать изощрённые «пары» и «люры» нашего детства в исполнении китайских старичков и старушек во время их ежеутренних физкультурных разминок на площадях и в парках во многих городах Поднебесной. Там этот спорт вполне официален и называется Jianzi.

«Пересечённая местность» рядом с домом

«За Цыганкой». Такой вид открывался, если смотреть на север. 1960-е годы.

Вокруг Посёлка в те изначальные былинные годы простиралась классическая «пересечённая местность». Со множеством элементов первозданной природы – холмами, балками, оврагами и курганами. Степные по природе окрестности обильно поросли всякой древесной и кустарной растительностью нерукотворного и рукотворного происхождения.

Если сегодня взглянуть на ту самую заветную «пересечённую местность» нашего детства, то окажется, что за полвека всё тут поменялось кардинально. Окрестности лишились всех крупных деревьев, уничтоженных браконьерами и дровосеками в мутные 1990-е годы. Пропали «курганы» – наши лыжные горки, на которых мы когда-то самозабвенно проводили короткие зимние дни. «Курганы» эти, между тем, были ещё и своеобразными микрозаповедниками, анклавами первозданных степных предгорий среди садов и распаханной целины. Ушли в прошлое и живописные весенние пригорки за околицей, поросшие сплошными коврами цветущих подснежников, тюльпанов и маков.

«За Цыганкой». А таким был вид на юг. 1960-е. Труба Реактора указывает на пик Талгар (4973 м), а правее и ближе – пик Физиков, объект регулярных массовых восхождений наших родителей.

Глубокомысленные размышления про «необратимые изменения в окружающей среде» и грядущую «экологическую катастрофу» хотя и родились не сегодня, но массовый характер приняли именно в новом тысячелетии. Солидные авторы, комментаторы и простые пользователи ссылаются на авторитетные результаты маститых исследователей и анализы всяческих озабоченных организаций и пугают друг друга неизбежным концом света. Но чтобы осознать всю степень серьёзности обсуждаемой проблемы, необязательно кивать на чужие авторитеты, достаточно взглянуть в собственное прошлое.

«Пересечённая местность». Школьный кросс 1968 года.

Моё детство, напомним, пришлось на 60-е годы (двадцатого, разумеется, столетия), а прошло в Алма-Ате и под Алма-Атой. Поля колхозов-совхозов в те годы ещё не были сплошь отутюжены бульдозерами, свободные места не были застроены дачами, а лесополосы не были вырублены на дрова.

Так что вполне естественно, что наша тогдашняя жизнь была куда ближе к природе, чем жизнь нынешних жителей Посёлка. Любимым способом времяпровождения и обычным воскресным отдыхом земляков, особенно в первые годы, были пикники за околицей, походы «за речку» (досточтимую Цыганку), обязательные весенние выходы за подснежниками, за тюльпанами (всего этого тогда было в достатке в непосредственной близости от посёлка), за ежевикой, по грибы, за тёрном.

Мы росли у подножия Заилийского Алатау. И часто не замечали великолепия фона. Уже позже, покатавшись по миру, я осознал, что второго такого нет. Фото 1960-х.

Оно и понятно – в самом Посёлке тени и уюта в несколько первых лет существования было немного. Потому отдыхать на такую близкую природу выходили капитально, на целые выходные дни, стелили в пахучей траве принесённые одеяла и... отрывались по полной!

Доверчивая Природа

Что до самой окружающей природы, то, в те первые годы, она по инерции всё ещё не могла осознать своих новых границ, и постоянно вторгалась на территорию, уже отторгнутую у неё людьми. Уже – враждебную.

На улицы тогда частенько забегали **лисы**, обитавшие в окрестных терновниках, а по садам, ещё не ограниченным никакими заборами, запросто шныряли симпатичные **ёжики**. **Черепахи**, которых в изобилии собирали по полям, считались у нас ординарными и привычными домашними любимцами. Тихие **жабы**, выползавшие на вечернюю зорьку, были неизменными спутницами вечерней прохлады.

Зимой снег в окрестных полях и балках был исчерчен характерными цепочками лисьих следов. Ходить по ним на лыжах и распутывать нехитрые истории рыжих хищниц, мышкующих или промышляющих неосторожными птицами – вот было истинное наслаждение для всех, увлечённых живой природой.

Девушки из 60-х с охапками тюльпанов. Картинка из прошлого...

А когда я, преданный читатель «Юного натуралиста», научился лучше распознавать следы, то с удивлением обнаружил, что среди многочисленных собачьих отпечатков в окрестностях посёлка встречаются и удлинённые отпечатки волчьих лап!

А наиболее привычными персонажами животной жизни, широко представленной в 60-е годы, были многочисленные **змеи**. Особенно часто встречавшиеся на нашей окраинной улице Садовой. Змеи свободно ползали не только вокруг домов, но и нередко забирались вовнутрь.

Гадюки и прочие гады были обречены. Несмотря на то, что Посёлок вырос на «их землях». Фото 1966 года.

Всех змей, за исключением ужей, автоматически причисляли к «гадюкам» и тем самым приговаривали к безжалостному истреблению. Последний раз змею я видел в окрестностях Посёлка лет пять назад, километрах в двух от жилья, в одном из сохранившихся массивов тёрна.

Все эти ординарные представители нашей «первобытной фауны» давно стали достоянием прошлого не только на улицах современного городка, но и в ближайших его окрестностях. Заборы, собаки, люди, скот, структурные перемены в сельском хозяйстве, успехи большой химии – всё это вкуче привело к тому, что былая животная жизнь постепенно угасла и исчезла. Выходя нынче на зимнюю целину, в большом отдалении от жилья, можно ещё натолкнуться на единичные лисьи цепочки, редкость которых лишь подчёркивает печаль свершившихся перемен.

Отношение к окружающей живности у детей и подростков того времени не подразумевало особой жалости к меньшей братии. Может быть от того, что братии было побольше? Окрестности Посёлка, начало 1970-х.

С птицами всё сложнее, хотя и тут перемены разительны. Практически перестали появляться такие обычные некогда степные обитатели, как **удоды**. Повсеместно утомонились **скворцы**, для которых каждую весну на молодых деревьях вывешивались новые скворечники (это было ещё одним своеобразным весенним ритуалом пионеров и школьников). **Воробьи** перестали оживать своим неистовым чириканьем залитые светом застрежи. Прекратили назойливо черкать небеса **ласточки**. А в ранние годы они, помнится, даже устраивали свои затайливые гнёзда под крышами на расстоянии вытянутой руки.

Ещё одна примета весны Посёлка. Скворечники на деревьях. Их мы выделяли на уроках труда в школе. И каждый год развешивали на растущих деревьях Посёлка. Так что прилёт скворцов был ожидаем многими. 1980 год.

Даже **соловьи**, из-за бесконечных трелей которых когда-то было так проблематично уснуть в саду, теперь поют где-то в отдалении. То же произошло и с **перепёлками**, крики которых долетали прежде из окрестных полей на улицы посёлка на каждом восходе и закате.

Хотя появились и новосёлы. Крикливые майны, выжившие скворцов, красивые жёлтые иволги, сменившие удонов, большие синицы, потеснившие неугомонных воробьёв нашего детства... Невидимые кукушки и монотонно «тикающие» по ночам совки-сплюшки. (А ещё явились серые крысы, о которых мы раньше и не слышали.)

Любопытно, что, за последние годы стремительно заросли многочисленные тропы вокруг Посёлка. Те, по которым наши поселковые жители прохаживались многие десятилетия. В полях и «за речкой» ныне крайне редко можно встретить праздно гуляющих. Земляки отчего-то практически перестали интересоваться окружающей природой.

Так сильно поменялись люди? Или так сильно изменилась природа – стала совсем неинтересной для людей?

День свободы на баррикадах

Весна наступала и продолжала наступать. Принося с собой новые радости. И праздники.

Вот уже и 18 марта. **День Парижской коммуны**. День – рабочий, но во всех календарях СССР выделенный красным. Для чего Советскому Союзу нужно было почитать эту потерпевшую закономерный провал попытку «французского пролетариата» установить свою власть в славном городе Париже в 1871 году?

Напомню, этот прообраз Советов трудящихся и продержался-то совсем немного – 72 дня (с 18 марта по 28 мая) и был жестоко подавлен после восьмидневного штурма войсками «версальцев» знаменитых баррикад, перегородивших улицы и площади города. Кровь обильно лилась со всех сторон. После падения Коммуны начались репрессалии. 400 революционеров отправлены на каторгу, 4000 – в крепости, а 293 – расстреляны.

Листок отрывного календаря. 1990 год.

Ясно, что идеологи в «первой стране победившего социализма» не могли пройти мимо увековечения этого знакового события и соблазна обожествления памяти «павших борцов». В СССР обожали классовые бунты, народные восстания, разрушительные мятежи и любую социальную бузу во всех её проявлениях. Потому Парижская коммуна была тщательно исследована классиками и объявлена непосредственной предтечей Русской революции 1905 года и Октябрьской социалистической 1917-го.

Вот отсюда и странный, казалось бы, праздник.

Любой праздник отмечался в школе торжественной линейкой. С речами, рапортами, награждениями и равнениями на знамя. СШ №21 (Талгарского района, Алма-Атинской обл.). Середина 1960-х.

Особенно торжественно отмечалось в СССР 18 марта 1971 года – столетний юбилей Коммуны. По всей стране проводились торжественные заседания, собрания коллективов, митинги трудящихся, праздничные концерты. Не остался в стороне и Казахстан.

Накануне славной даты в Академии наук Казахской ССР состоялась совместная научная сессия отделения общественных наук и Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана, на которой учёные мужи из Алма-Аты обсуждали события столетней давности в Париже. И их влияние на процессы, происходящие в советском обществе, в том числе, и в Казахстане.

К школьному празднику могли быть приурочены какие-нибудь конкурсы и состязания. СШ №21 (Талгарского района, Алма-Атинской обл.). Конец 1960-х.

О важности свидетельствовало то, что открывал собрание вице-президент Академии А. Н. Нусупбеков. А потом серьёзные учёные, философы, историки и общественеды занимались любимым делом – читали друг другу умные доклады. Темы звучали так: «Парижская коммуна и современность», «Парижская коммуна и пролетарский интернационализм», «Парижская коммуна и вопросы сочетания пролетарского и крестьянского движения в революции» и т. д.

Ну, а что советские дети? Также были вовлечены в праздник? А как же! Наверняка и сегодня многие из тех, чьё детство прошло в Советском Союзе, при упоминании Дня Парижской коммуны вскинут голову. А кое-кто даже сможет чего-нибудь припомнить из своей практики.

Повод собраться был не только у школьников. Программка заседания АН Каз ССР. 1971 год.

В типичной школе тех лет (в нашей СШ №21, например) в День Парижской коммуны непременно случались всяческие торжественные мероприятия: комсомольские собрания, пионерские линейки и классные часы, посвящённые памяти павших коммунаров. Хотя вряд ли кто-то сможет воскресить имя хоть одного французского героя, но смутный пафос наверняка запал в память.

Обычно к этому дню приурочивались и такие школьные мероприятия, как песенные конкурсы, фестивали всяких физкультурно-патриотических композиций, выпуск стенгазет. Где-то могли принимать в пионеры. Где-то – по последнему снегу – проводить военизированную игру «Зарница». Повод был, а чем его отметить – не составляло проблемы.

А ещё с тех пор многим запомнился назойливо мелькавший (на плакатах, открытках, почтовых марках) в эти дни художественный символ даты – репродукция картины «Свобода,

ведущая народ» (*La Liberté guidant le peuple*) Делакруа. Картина, более известная у нас как «Свобода на баррикадах», хотя и писалась тридцатью годами ранее по другому поводу, оказывалась востребованной именно в 18 марта.

Свобода, шагающая по трупам, была бы совсем зловещей, если бы автор изобразил её безобразной старухой. Но она была не старуха. И чего греха таить, именно голая грудь дерзкой французской красавицы приковывала к себе основное внимание избалованных пикантными картинками мальцов.

Что тянуло в Дом культуры?

Весна – самое идеальное время для романтических походов и судьбоносных забав. На улице ещё холодно, но в душе всё уже поёт и жаждет. Куда податься?

Для умиротворения этой первобытной несогласованности микро- и макрокосмоса в Советском Союзе существовала целая сеть специальных заведений – клубы. Дома культуры. Дворцы культуры.

...**Дом культуры** для такого замкнутого пространства, как наш Посёлок, всегда соответствовал своему названию. Он появился очень скоро, вслед за школой и больницей, и прожил яркую, но, увы, скоротечную жизнь. К концу века от ДК остался уже только остов, а восстановить хоть как-то и что-то, несмотря на все попытки, в этом «островке» культуры так и не удалось.

Наш Дом культуры. Середина 1960-х. Второй этаж флигеля занимал Дом учёных. На первом располагалась библиотека.

Но в былые времена наш Дом культуры был настоящим фокусом нашей поселковской жизни. Мотивы, каждодневно приводившие туда земляков, были разнообразными: поднабраться навыков в каком-нибудь кружке, просто пообщаться «по интересам», почитать книжку в библиотеке, послушать лекцию, поглядеть на приезжих актёров или циркачей (каких-нибудь «лилипутов»), посмотреть новый фильм. Это вообще-то была своеобразная духовная агора, куда можно было прийти и просто так, без дела (вахтёры пускали всех, не спрашивая особо про цель визита).

И там можно было не только скоротать вечер, но и найти свою судьбу. Множество моих земляков обрели своё семейное счастье именно под сводами этого типового Дома культуры. Ведь именно тут проистекало заветное таинство массовой закладки фундаментов новых семей – танцы.

Вечер в Доме учёных. Участвуют: Людмила Гурченко, Нонна Мордюкова, Светлана Светличная. Апрель 1970 года.

Как ВИА захватили Советский Союз

В те годы судьбы искали под рыдающий аккомпанемент гитар и проникновенное завывание вокалистов местного ВИА. Доморощенные участники поселкового ансамбля были узнаваемы и популярны как среди местного, так и окрестного населения. Это были настоящие региональные кумиры!

...Вокально-инструментальные ансамбли – ВИА – захватили Советский Союз в начале 1970-х. И это была лишь частица масштабной трансформации, приключившейся в те годы в культурном пространстве молодёжного сообщества. Менялось всё. Традиционные гармошки – на гитары, радиолы – на магнитофоны, «полубокс» – на распущенные «патлы», пламенные убеждения – на какие-то абстрактные мечтания, аккуратные брюки – на широкие клёши. Революция? А может, и контрреволюция – это как посмотреть.

Армейский ВИА выступает в Доме учёных. 1970-е.

Явление ВИА (и всего сопутствующего), хотя и было чуждо нам по происхождению, но так быстро стало «нашим», что про тлетворность его так же быстро и забылось. Электронная музыка, источаемая томными музыкантами и изрыгаемая фонящими усилителями, полилась отовсюду. С экранов телевизоров, из динамиков домашних радиол, со сцен всех Домов культуры.

Каждая уважающая себя советская школа (и наша, разумеется), пройдя этап «усиления звукоусилителями» старых гитар и использования пионерских барабанов, обзавелась комплектом электронных инструментов, производство которых как-то неожиданно оперативно наладила советская промышленность. Гитара-соло, бас-гитара, «ионика» и «ударные» стали отныне главными сопровождающими каждого школьного мероприятия и праздничного вечера. ВИА не были чисто инструментальными ансамблями – первое «В» ясно указывало на присутствие вокала. Хотя петь могли не только солисты, но и сами инструменталисты.

Наш школьный ВИА 3-го созыва. Конец 1970-х.

То, что явление вокально-инструментального образа жизни было столь стремительным и всеобъемлющим, легко объяснить. Природная одарённость народов СССР подкреплялась доступной системой у нас массового музыкального образования. Так что каждый второй непременно на чем-то наигрывал, что-то напевал, многие знали ноты, умели «подбирать мелодию» на слух. К тому же от отцов поколению ВИА досталась традиция коллективного музицирования.

...В те годы ходила шутка, что пройдет 40 лет и в СССР будет множество патлатых старичков, бренчащих на гитарах. Про то, что через 40 лет и СССР не будет, тогда никто всерьёз не думал...

А вот, что вспоминают про те школьные ВИА нашей школьной юности их непосредственные участники.

Анатолий Климчук (ныне живёт в США):

В ДК играли (насколько я помню) – Яша Франк, Витя Франк, Лёня Белиш, Саша Степанов (?), Саша Зуев, Нина Брулёва. Были ещё какие-то приходяще-уходящие музыканты, но именно эти ребята были основные, в Посёлке все их знали.

Нина Брулёва – «клавишница» первого поселковского ансамбля. Фото конца 1980-х.

Владимир Шахов (живёт в Калининграде):

*С Ниной мы были почти ровесники, она тоже училась в Алма-Атинском музыкальном училище на 1—2 курса ниже, но на теоретическом отделении. И парень у неё был **Саша Артиполихин** – уникальный гитарист. Не скажу, играл ли он в поселковом ВИА, возможно, они начали встречаться уже после того, как сменился состав.*

Анатолий Климчук:

Этот самый Артиполихин был одно время руководителем ансамбля, прозвище у него было интересное – Гвоздь.

Татьяна Иванцова (живёт в Посёлке):

Они играли в ДК, там и познакомились. Артиполихин был худой и длинный, поэтому прозвище – Гвоздь.

Ермек Бекмухамбетов (Алма-Ата):

*А в первом составе школьного ВИА играли **Петя Гранковский, Сергей Ефанов, Толик Виноцкий, Вова Карамшук** и я. Первые самодельные колонки, усилители и всякие прибабасы своими руками были сделаны Сергеем Ефановым.*

Александр Жуков (Алма-Ата):

*Потом были мы: **Саша Вострецов, Таня Набока, Саша Абожсей, Саша Жуков, Женя Зубарев...***

Александр Вострецов (живёт в Посёлке):

*Нами рулил перец из Табаксовхоза – **Баха**, по кличке Шлепного. А помнишь самодельные гитары? Сейчас, наверное, молодёжь такое повторяет...*

«Битлы» в советском переводе

Прелесть явления ВИА в глазах молодых предопределялась участием в антологическом процессе «Битлов» и «хиппи».

«Битлов» в Союзе полюбили сразу, как услышали. И не только за музыку и эпатажный антураж. Ливерпульские исполнители пели на понятном британском языке, так что темы их композиций были ясны всем тем, кто годами тщетно зубрил «топики» и вымучивал всякие «present continuous» в школах и вузах. Наконец-то наш английский хоть в чём-то нам пригодился! Так что ансамбль «Битлз» стал для многих представителей моего поколения не только объектом полноценной мании, но и своеобразным «тичем» – всенародным «носителем» пресловутого Englisha.

Пластинки «Битлз» были выпущены в Союзе тиражом в 5 миллионов экземпляров. Власти может и не одобряли повального увлечения молодых «не нашими ценностями», но решили не перегибать палку. Правда, как утверждают, про авторские права исполнителей также никто не думал. Но это были уже не наши проблемы, и это ничуть не мешало советским битломанам битломанить с полной отдачей.

Саша Жуков и Саша Вострецов, последовательные битломаны 70-х. Участники нашего школьного ВИА.

Песни ливерпульской четвёрки звучали из многих советских окон и считались непременно аккомпанементом любой домашней и школьной вечеринки в 70-е годы. И обязательно входили в репертуар каждого уважающего себя ВИА, «лабающего» на регулярных «танцах» в ДК или на праздничных школьных вечерах.

«Битлы», конечно, не могли соперничать по популярности с такими всенародно любимыми у нас в те годы командами, как «АББА» или «Бони М», песни которых выходили на больших пластинках и были для советских людей такими же родными и знакомыми, как шлягеры «Песняров» или «Самоцветов». Они часто мелькали на нашем телевидении, «Бони М» давали концерты в Кремле, а кинофильм «АББА» широко демонстрировался в кинотеатрах по всей стране.

Хиппи с улицы Ленина

Дополнительную прелесть в глазах наивных нонконформистов имела связь «битлов» с «хиппаками». Хиппи и «Битлз», в представлении советских людей, были одного поля ягоды. Немножко горячие своей «иночностью», но от того ещё более привлекательные.

Интимная связь «настоящего хиппи» с гитарой была в среде советских подражателей очевидной и коренной. Откуда это взялось – сказать трудно, но, наверное, свою роль в этом сыграли всякие хиппующие «битлы», которые в те годы отчаянно косили под настоящих хиппи и своим характерным прикидом сбивали с толку простодушных советских комсомольцев.

Кстати, образ своих западных коллег всюду эксплуатировали и многочисленные советские ВИА тех времён (чтобы увидеть это воочию, достаточно посмотреть на записи выступления каких-нибудь «Песняров» 70-х годов минувшего столетия). Перенимая чуждый облик и сохраняя правильный пафос и одобренный репертуар, наши кумиры выглядели довольно забавно. Но это – если вглядываться из сегодняшнего времени.

Сведения про хиппи черпались в основном из газет, молодёжных журналов и телепередач – от журналистов-международников. И это был тот случай, когда советское общество было в общем-то неплохо осведомлено о происходящем по ту сторону рамп. Протестный характер процесса, пусть даже такого импотентно-шутовского, априори вызывал сочувствие и повышал внимание советской аудитории.

Ребята из 1977-го.

Что в 70-е годы знали о настоящих хиппи? То, что они не бреются, не стригутся, не работают, не моются, одеваются в рваньё, бродяжничают, балуются анашой, проповедуют свободную любовь и борются против войны во Вьетнаме. А ещё, что это несчастные и несостоявшиеся молодые люди с Запада, доведённые до безысходности и крайности бесчеловечным капитали-

стическим гнётом и пытающиеся найти выход. Выход – в уходе. Уходе от действительности, проблем, семьи, обрыдлых ценностей буржуазной морали и всё ещё цепких оков прогнивающей системы.

Про хиппи знали, но вот официального отношения к ним так толком выработать не смогли. Они зло? Так они же суют гвоздики в дула М-16 и протестуют против военщины! Они благо? Но они отвергают всякую мораль и используют наркотики! Эта идеологическая раздвоенность относительно движения хиппи привела к той неопределённости отношения и к своим доморощенным «хиппакам».

Голубая мечта советского юношества – окрашенные индиго индийские джинсы «Ковбой». Трудно объяснить природу массового психоза обладания, но он имел место. Этикетка 1980-х.

Куда менее чем про социально-протестную сторону движения ведали у нас про увлечение хиппи восточной мистикой. Все эти «ахимсы», «ашрамы», медитации, вегетарианство,

«благие истины» и «восьмеричные пути», толкавшие кудлатую молодёжь с Запада на Восток, были уже второстепенны для советской пропаганды и вовсе непонятны массам. Потому исход этих «Flower Power» за пределы интересующей наших идеологов арены оставался во многом за кадром.

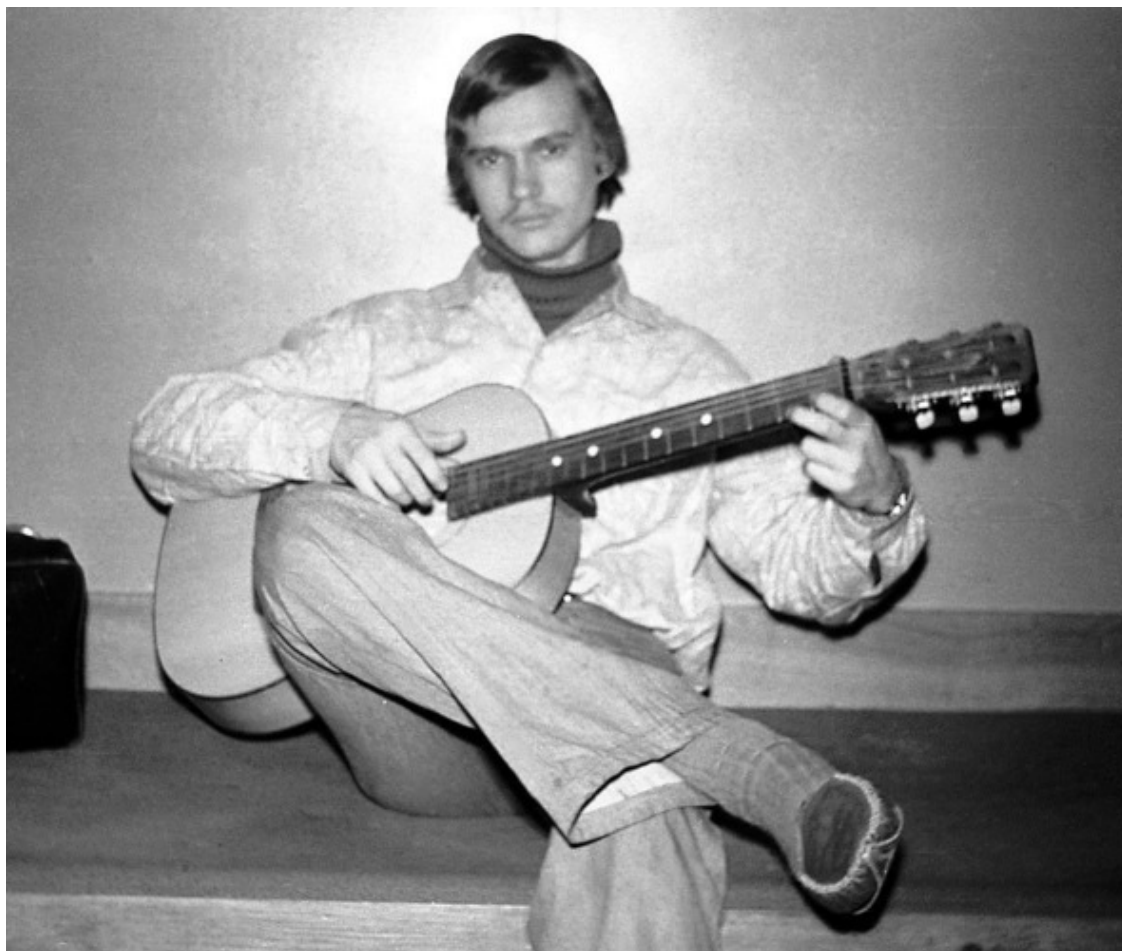
Впрочем, это вряд ли имело для нас какое-то особое значение. Как и постепенное угасание всего движения вообще. У нас процесс пошёл своим путём и от всего этого уже не зависел.

Моя патлатая юность

Во времена моей комсомольской юности многие из моих сверстников хипповали: отпускали длинные космы, надевали джинсы или, на худой конец, «клёши» (сшитые в ближайшем ателье) и брали в руки гитару. Это был робкий и неосознанный вызов молодых, стихийный протест против того перманентного застоя, который казался таким неодолимым и давящим.

Если не брать в расчёт забубённых функционеров, то в целом всё советское общество относились к хиппи с ироничным одобрением. В наших глазах эти волосатые субъекты были бунтарями. Но бунтари они были какие-то недоделанные, карикатурные и недалёкие. Вместо того чтобы братья за оружие и свергать своё правительство, они брались за гитары и уходили куда подальше.

Не думаю, что наши домашние «хиппаки» («хиппуны», «хиппари» и прочие «хиппанутые») в действительности озадачивали себя глубокими знаниями о глубинных принципах настоящих хиппи. Не думаю даже, что наши диадохи принимали всерьёз всё это пёстрое движение на Западе. И уж конечно, наши «хиппаки» не бунтовали против основ системы, как это ныне пытаются представить некоторые юные публицисты. «Протестантов» этих уже тогда принимали в обществе с нескрываемым юмором.

А так выглядел автор в далёком 1976 году. Ленинград. Общежитие ЛГПИ им. Герцена в Студгородке на Новоизмайловском проспекте.

В СССР, если хотите, хиппование целиком относилось к неформальной молодёжной моде с некоторым привкусом социальности. Неслучайно процесс задержался у нас на десятилетие и продолжал процветать даже тогда, когда настоящие хиппи на Западе начали массово взрослеть, уметь и возвращаться туда, откуда пришли – в лоно (семьи, государства, системы традиционных буржуазных ценностей).

Может быть, в стране и было несколько сотен человек (в продвинутых Москве, Ленинграде), которые понимали философию движения (или считали, что понимают) и пытались на самом деле «жить, как они». Но для большинства массово хиппующих это была своеобразная игра. Праздник непослушания. Возможность показать всем свою самость и значимость, если не во всём, то хотя бы в стиле – одеваться и вести себя не так, как положено, а так, как хочется.

В среде интеллигенции аккуратную стрижку носили только функционеры. Остальные не придавали внешнему виду своих голов особое значение. Главное – наполнение. Молодые физики Арик Исаев и Сергей Вагин имели весьма характерный вид. Как и наши подруги – Ира Черняева и Наташа Ботвина. Фото с пикника 1980 года.

Как относились к этому повальному увлечению нашей молодёжи семья и школа? Родители не видели в этом ничего зазорного. Дети тешились. И если старики ещё поскрипывали зубами, встречая по вечерам бренчащие компании косматоголовых, то родители смотрели на всё смиренно и благосклонно. И даже сами покупали джинсовую ткань, из которой во всех ателье кроили и шили роскошные «клёши» (обтягивающие ягодицы и расширяющиеся внизу до полуметра!).

А школа... Случались, конечно отдельные казусы, служебные репрессии и никчёмные кампании, но в целом и школа относилась ко всему вполне прагматично. Дураки в системе просвещения если и встречались (а как без них?), то они, как правило, по обыкновению сидели во всяких ОНО – отделах народного образования, а большинство действующих школьных педагогов были вполне адекватны и понимали, что лучше вот такая иллюзия молодёжного бунта, чем сам бунт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.